

К.Е.Антарова: Краткий биографический очерк

Среди множества самоотверженных тружеников искусства не всегда выходят на первые места самые достойные. Наоборот, почти как правило, те, что вынашивают в себе творческие идеи и мысли, те, что стараются передать их своей современности, остаются в тени. Они забывают о себе и о своей карьере. Они думают со всей любовью сердца о тех, кто пришел к ним за советом и помощью в искусстве», – так писала Кора Евгеньевна Антарова о сестре К.С.Станиславского – Зинаиде Сергеевне Соколовой. Но кажется, что эти строки написаны о ней самой – заслуженной артистке РСФСР, певице Большого театра, проработавшей на прославленной сцене более двух десятилетий.

Кора (Конкордия) Евгеньевна была замечательной, выдающейся певицей. Но случилось так, что при прекрасном состоянии голоса ей пришлось уйти со сцены. Не сохранились (за одним исключением) и записи ее голоса на пластинках – вероятно, тоже не случайно. Прошло более полувека с тех пор, как она перестала выступать в концертах, и как певицу ее уже мало кто может помнить.

Время, столь неумолимое для громкой славы многих деятелей искусства, тем не менее мудро и расставляет все на свои места. Забытые имена, если они того достойны, возвращаются к нам – иногда в новом качестве и новой перспективе.

Жизненный путь Кору Евгеньевны, с одной стороны – по самоотверженной и бескорыстной любви к искусству, – характерен для многих выдающихся предст- вителей русской культуры, с другой – уникален, как уникальна каждая судьба.

Родилась она 13 апреля 1886 года в Варшаве в семье мелкого служащего департамента народного просвещения. В одиннадцать лет потеряв отца, она жила с матерью на небольшую пенсию и уроки иностранных языков, даваемых матерью. Мать Кору была двоюродной сестрой народовольца Аркадия Тыркова, сосланного в Сибирь по делу Перовской, а сама Софья Перовская, о которой девочка много слышала в семье с детства, приходилась ей двоюродной бабушкой.

В четырнадцать лет, будучи в шестом классе гимназии, Кора остается круглой сиротой. Но она не бросила учиться, а закончила гимназию,

самостоятельно зарабатывая уроками. Можно только представить себе, как трудно было юной девушке, оставшейся без всякой поддержки и средств к существованию, пробиваться в жизни. И в какой-то момент Кора решает уйти в монастырь. Многому она научилась там. Пение в церковном хоре помогло развитию ее природного таланта. Но уже тогда ее голос выделялся из хора – Антарову приходили слушать специально. Видимо, она чувствовала, что путь отхода от реальной жизни не для нее. Это подтвердила встреча с Иоанном Кронштадским, который сказал молодой девушке, что ей суждено трудиться в миру. Она решает ехать в столицу учиться. Подруги по гимназии собрали ей сто рублей, и Кора поехала в Петербург. Выдержав большой конкурс, она поступила на историко-филологический факультет Высших женских курсов, который окончила в 1904 году.

Все студенческие годы Антаровой пришлось зарабатывать на жизнь уроками, ночными дежурствами в редакциях, уходом за больными и тому подобным. Казалось, теперь основные трудности позади, ведь ей предлагают остаться при курсах на кафедре философии, есть и другие отличные предложения, обеспечивающие благополучное существование. Но у Кору Евгеньевны была единственная мечта – театр, пение: девочка с самого юного возраста играла только в театр, хотя родители ее туда никогда не водили, только песни и музыка увлекали ее. По словам ее матери, она пела положительно с пеленок, стихи учила только под музыку. И теперь, повзрослев, она принимает твердое решение посвятить свою жизнь искусству.

За уроки пения надо было платить, а платить было нечем. Пришлось продолжать все ту же тяжелую трудовую жизнь. Она поступает учительницей в заводскую школу Александровского завода Николаевской железной дороги. Завод находился в часе езды от города на Шлиссельбургском тракте, и ездить туда приходилось на паровичке. Из получаемых в месяц 75 рублей 40 она платила профессору Петербургской консерватории И.П.Прянишникову за уроки пения. Девятнадцатилетняя девушка, привлекательная и талантливая, возвращаясь из школы в город, от голода и утомления нередко сваливалась с ног и оказывалась в больнице. Таково, очевидно, было происхождение тяжелой болезни, мучившей певицу всю жизнь, – бронхиальной астмы. Но любовь к музыке и театру преодолевала все, помогала мужественно продолжать борьбу.

И вот весной 1907 года Прянишников говорит, что Кора Евгеньевна готова, и она направляется на пробу в Мариинский театр. В комиссии по прослушиванию певцов председательствуют дирижер Э.Ф.Направник

и директор императорских театров В.А.Теляковский. Из 160 прослушанных певцов в театр принята одна Антарова! Так с 1 мая 1907 года началась ее артистическая карьера.

В Мариинском театре Кора Евгеньевна проработала только год – одна из актрис Большого театра по семейным обстоятельствам желала переехать в Петербург, Антаровой предложили заменить ее в Москве. Кора Евгеньевна переезжает в Москву, где ей сразу же поручают весь ответственный репертуар для контральто. Ратмир а «Руслане и Людмиле», Лель в «Снегурочке», Ваня в «Жизни за царя» – это самые крупные партии. Репертуар Антаровой обширен – оперы «Русалка», «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Царская невеста», «Садко», «Иоланта», «Князь Игорь», «Демон», «Вертер», «Золотой Петушок», труднейшие партии в вагнеровских операх «Золото Рейна», «Зигфрид», «Гибель богов», в двух из них она исполняет по две роли, и многие другие оперы. Несмотря на многочисленность труппы Большого театра во многих спектаклях замены Антаровой нет. Событием стало ее выступление в роли графини в опере «Пиковая дама» – она была признана лучшей в артистическом и вокальном отношении исполнительницей этой роли.

И конечно, она выступала в симфонических концертах, давала сольные концерты камерной музыки с обширной и оригинальной программой, где пела песни и романсы западных композиторов в своих переводах. Кора Евгеньевна была хорошо знакома с Шаляпиным, Рахманиновым, другими выдающимися деятелями русской культуры.

«Кора Евгеньевна Антарова всегда занимала в труппе Большого театра по своим артистическим данным одно из первых мест», – пишет М.М.Ипполитов-Иванов.

«Антарова принадлежит к числу тех артистов-работников, которые не останавливаются на своих природных данных, но все время неустанно идут вперед по пути совершенствования», – говорил весьма требовательный к певцам дирижер В.И.Сук.

«Она всегда обладала прекрасным голосом, выдающейся музыкальностью и артистическими данными, что дало ей возможность занять одно из первых мест в труппе Большого театра. Я был свидетелем непрерывного художественного роста артистки, ее сознательной работы над богатым от природы голосом оригинального красивого тембра

и широкого диапазона», – писал Леонид Собинов, о котором К.Е.Антарова написала прекрасную статью после его смерти.

В архиве Кору Евгеньевны хранится любопытный документ: рукописные ответы на более чем восемьдесят вопросов. Самих вопросов нет, только пронумерованные ответы. Судя по надписи в начале – «В театре 22 года», – анкетирование работников Большого театра проводилось в 1929–1930 году. Подробно и добросовестно отвечала Антарова на предложенные вопросы. Исключительная преданность своему искусству, высокая требовательность к себе звучат в этой анкете. Например: «Когда бывают неудачи – очень огорчаюсь, так как не выполняю долг». И еще: «Богему презираю. Не нахожу, что искусство и богема – это синонимы». Много в ее записях критических замечаний относительно творческой обстановки в театре, в адрес дирижеров, режиссеров. Вот ответ на 57-й вопрос: «Отношение к администрации в смысле ее художественной работы – отношусь абсолютно отрицательно». И более того, она утверждает, что в театре чувствуется ложь, рабство и подавленность духа; входя в театр, актер испытывает страх.

«Когда актер от личного «я» – которое он считает центром жизни, – и от защиты своих личных эгоистических прав перейдет к перечислению и осознанию своих обязанностей перед жизнью и искусством, – тогда эта атмосфера исчезнет. Кроме культуры – нет способов борьбы».

Трудно представить, как могли быть восприняты подобные ответы в те годы. Поскольку эта запись явно черновая, может быть не все они были внесены в окончательный текст, но во всяком случае таковы были ее творческие позиции.

Многие годы напряженного творческого труда, активное участие в различных общественных мероприятиях, шефских концертах обрываются, когда Кора Евгеньевна теряет любимого мужа, погибшего в Гулаге.

Ее изгоняют из театра, она лишается возможности заниматься любимым делом. Как и многие-многие другие, она теряет все. И неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба, если бы не одно обстоятельство: жестокий руководитель бесчеловечной системы любил оперу. Ему не понравилось исполнение какой-то певицы и он поинтересовался, почему поет не Антарова. Результат очевиден: Кору Евгеньевну вернули в Большой театр. Но болезнь уже давала о себе знать, выступать на сцене становилось

все труднее, хотя голос еще звучал в полную силу. Она выступает с концертами, но и это становится все труднее.

Но Антарова была творческим человеком в полном смысле этого слова. Перестав выступать на сцене, она выпустила книгу, названную ею «Беседы К.С.Станиславского». Это были ее записи занятий великого артиста с молодыми певицами Большого театра, целью которых было путем организации оперной студии помочь певцам по-новому подойти к своему творчеству. Впоследствии из студии образовался Оперный театр имени К.С.Станиславского. Книга была очень интересной, бесценной для стремящихся к творчеству артистов. Она выдержала несколько изданий, была переведена на другие языки, опубликована в ряде стран, в том числе и в Соединенных Штатах. Кора Евгеньевна оставила рукописи еще двух больших трудов, где она развивала идеи своего любимого учителя. Можно надеяться, что эти работы также выйдут в свет.

В 1946 году Кора Евгеньевна организует при ВТО кабинет К.С.Станиславского, в котором разворачивается активная работа по пропаганде идей реформатора театра.

Многие известные артисты, ученики великого режиссера, среди них О.Л.Книппер-Чехова, В.О.Топорков, С.Г.Бирман и другие, горячо поддержали эту идею. На заседаниях кабинета читаются доклады, накапливаются материалы по изучению наследия К.С.Станиславского. Душой этой работы, пока оставались силы, была К.Е.Антарова.

Была в насыщенной жизни Кору Евгеньевны еще одна сторона – внутренняя духовная деятельность, которая, несомненно, была истоком возвышенности ее творчества и всей жизни и которая многих знавших ее людей заставляла считать ее своим духовным руководителем, не только непререкаемым авторитетом во всех важнейших жизненных вопросах, но и человеком, помогающим по-новому понять глубочайший смысл самого существования на Земле. Сейчас об этой стороне ее творческой личности благодаря публикации книги «Две жизни» узнают многие. И тот, кто прочтет ее труд, поймет, что автор не могла быть обычным, рядовым человеком. Каждый прочитавший эту необычную книгу может воздать должное силе духа К.Е.Антаровой, нашедшей в себе мужество, несмотря на всю трагичность личной судьбы в условиях бесчеловечной тирании, сохранить чистоту чувств радости бытия.

Естествен интерес к тому, как был написан этот труд. Это было и навсегда останется тайной. Те же, кто были свидетелями его появления, могут сказать одно: огромная книга была написана в сороковых годах, исключительно быстро и, безусловно, не предназначалась для печати. Отсюда особенности ее языка. Яркий и образный, он в то же время имеет шероховатости и литературно не отшлифован. Кора Евгеньевна писала для тех, кто будет читать не внешнюю форму, а глубокую суть изложенного.

Внимательный читатель, вероятно, отметит также своеобразие литературного стиля автора, который ближе к стилю начала двадцатого века, когда Кора Евгеньевна училась и складывалась ее творческая личность.

В предисловии к своему еще не опубликованному труду «На одной творческой тропе», представляющему собой запись бесед автора с В.И.Качаловым, Кора Евгеньевна писала: «Теперь, когда Василия Ивановича нет с нами, я, согласно его желанию, передаю в печать эти записи, так как уверена, что, несмотря на совершенство всякой записи, к которой обязательно примешивается субъективный элемент записывающего, в них содержится ценный материал, помогающий глубже понять и вникнуть в творческие и человеческие облики великих художников и замечательных людей, какими были Василий Иванович Качалов и Константин Сергеевич Станиславский». Дальше она пишет: «Хотя я совершенно уверена, что молодые артисты, для кого мне и передавал свои слова Василий Иванович, сумеют читать не внешнюю форму речи, а глубокую суть его заветов в искусстве, я все же считаю нужным сказать молодому читателю несколько слов об языке моей записи <...> Да и сам Василий Иванович Качалов <...> считал, что все, что он мне говорит, я пойму точно по сути и сумею литературно обработать так, чтобы слова его были просты и понятны тем, для кого он их говорит».

Осталось немного людей, знавших Кору Евгеньевну при жизни. И мы, те немногие, кто помнит ее, можем лишь сказать: «Да, мы счастливы, мы общались с ней, слышали ее голос, видели ее сверкающие, полные юмора глаза, которые понимали всю суть находившегося перед ней человека. Может быть, не всегда приятно, когда тебя видят насквозь, но доброта, светившаяся в этих глазах, смягчала эти мелкие чувства. И хотя тебя не всегда гладили по головке, ты выходил от Кору Евгеньевны с таким чувством, будто за спиной крылья». Все, кто общался с этой удивительной женщиной, даже те, что понятия не имели, что за человек перед ними, получали от нее помощь

и поддержку самого разного рода. Поддержка часто бывала материальной, хотя легко себе представить, каковы были средства человека, живущего на пенсию в 40–50-е годы. Кора Евгеньевна жила по принципу «Рука дающего не оскудевает», и принцип этот по отношению к ней полностью оправдывался. Сама же ни от кого не брала никаких подарков – это тоже был один из немногих ее принципов.

Кора Евгеньевна была талантлива во всем, даже когда варила обед. И все вокруг нее было красиво. Красива была она сама, хотя я помню ее уже весьма пожилой женщиной. Общаясь с ней в домашней обстановке, живя на даче, я никогда не видела ее непричесанной, небрежно одетой. И комната, в которой она находилась, казалось красивой, и все вещи вокруг нее. Знаменитое чеховское изречение нашло в Коре Евгеньевне на редкость полное воплощение.

Люди тянулись к ней, выкладывали ей свои проблемы, горести, говорили о себе. А она вопреки привычным для артистов манерам никогда не говорила о себе, не вспоминала о своих успехах, хотя вспомнить было что... С ней хотелось видеться, от нее не хотелось уходить. А Кора Евгеньевна своим присутствием как бы поднимала людей вверх, а иногда просто давала возможность тем, кто дошел до отчаяния, вновь обрести силу жить, и жить полным сердцем. Сказать, что она была человеком высоких моральных качеств и необыкновенной доброты, как-то мало, по отношению к ней это звучит бледно и недостаточно. Она была проста в обращении, необычайно приветлива с каждым, доброжелательна, но... вы чувствовали такую исходившую от нее силу, которая заставила сказать одну театральную деятельницу, ничего не знавшую о сокровенной стороне ее жизни: «Ну, Кора Евгеньевна... Она среди нас королева».

М.Стриженова, из воспоминаний

Моя встреча с Конкордией Антаровой, разрешившей называть ее Корой Евгеньевной, была духовной ступенью в развитии моей жизни. Не лекции или специальные собеседования по существенным вопросам духовного развития человека были главными в нашем общении – разительным примером явились путь жизни самой Кору Евгеньевны через непрерывный творческий труд, глубокая духовность ее служения миру. Меня поражали сила и цельность ее характера, устремленность в творческой деятельности в области театрального искусства и литературы.

Я не успел вступить в Теософическое Общество, но стал членом его Ордена Звезды на Востоке, ликвидированного сразу после смерти Ленина. До этого Орден был фактически под руководством Зинаиды Михайловны Гагиной. Через нее я общался с Теософическим Обществом, во главе которого в Москве стояла Софья Владимировна Герье.

Зинаида Михайловна стала моей духовной матерью. Я часто бывал у нее на дому и участвовал в ее работе по переписке от руки теософических трудов, поскольку размножение подобных текстов на пишущей машинке было запрещено властями.

Целыми днями Зинаида Михайловна трудилась, копируя от руки нужные теософические сочинения, привлекая меня и других сотрудников. Ей было около ста лет, и мы помогали ей топить печку и покупали продукты, поскольку Зинаида Михайловна не имела никаких средств для жизни.

Среди теософов она занимала видное место. Зинаида Михайловна приняла меня в Орден Звезды на Востоке и была моим духовным покровителем. Прощаясь в тот день, она сказала мне: «Теперь Вам все будет легко», – и я шел радостно и легко, как будто летел на крыльях.

Незадолго до своей кончины Зинаида Михайловна передала мне на хранение 21 журнал и 64 тетради рукописей на теософические темы. Все это я передал в 1993 году современной организации Теософического Общества. Вскоре по указанию Учителя меня, к счастью, взяла под свое духовное покровительство Кора Евгеньевна Антарова. Она знала Зинаиду Михайловну и некоторых других сотрудников из Теософического Общества, но сама никогда не состояла его членом. Это было во время второй мировой войны, и я утратил связи с Теософическим Обществом, но Кора Евгеньевна имела своего Учителя и связи с Шамбалой.

Она проявила стойкость, мудрость и мужество в своем огромном несчастий – расстреле ее любимого мужа, человека высокого духовного развития. Сама она была сослана, но возвратилась домой в Москву – от отбытия срока ссылки ее освободила счастливая случайность, предоставленная ей судьбой. Она продолжала служить музам, давая на дому уроки вокального искусства.

Исключительная преданность и любовь связывали Кору Евгеньевну с ее подругой – выдающимся ученым-математиком Ольгой Николаевной Цубербиллер, тоже ученицей одного из Учителей Жизни. В тяжелые годы Отечественной войны они продолжали жить совместно, все делили пополам и никогда ни на что не жаловались. Я встречался с Корой Евгеньевной в ее комнате, причем приходил к ней всегда один, так как она была под постоянным наблюдением властей. Чаще приходилось навещать ее по домашним делам. Мы пилили вместе с нею дрова, сажали под Москвой картошку. Я не имел возможности наблюдать, как она пишет свой замечательный обширный труд – книгу «Две жизни», экземпляр машинописного текста которой она мне подарила. Я высоко ценю этот труд за богатство идей, в него вложенных, ясность мыслей и простоту в передаче сложной фабулы. Его герой – мальчик Левушка с чистой и очень впечатлительной душой – имел счастье попасть под водительство Великих Учителей.

Побывав с ними во многих странах, встречаясь с самыми разнообразными людьми и жизненными ситуациями, Левушка приобрел большой жизненный опыт. Особенно важно, что все замечания и наставления его Учителя делали во время происшествий, в связи с конкретными обстоятельствами, поэтому Левушка мог всегда видеть и понимать действия, которые были наиболее правильными в каждом случае, и даже принимать в них частично личное участие. Такой «наглядный курс» воспитания проводился Руководителями с глубокой мудростью и отеческой любовью к мальчику, быстро довел Левушку до состояния ученика Великих Наставников высшей мудрости Жизни. Завершилось становление героя, когда события перенесли в Индию.

Меня как индолога поражает тонкое, глубокое знание автором своеобразной жизни этой великой восточной страны, ее древней мудрости, йоги и мест пребывания тайных эзотерических Общин Гималайской Шамбалы – арены открытой борьбы Учителей с темными силами, иногда воплощенными в физическом облике. Здесь же руководители Общин оказывали постоянную помощь вдовам, беднякам и другим несчастным.

Содержание последней, индийской части книги особенно насыщено мудростью поучений и поступков Наставников Левушки и широко раскрывает эзотерическое значение их напряженной деятельности в Мире.

Сейчас у нас появляется много публикаций, посвященных оккультным

знаниям жизни человечества, и книга К.Антаровой «Две жизни» своевременно вносит ценнейший и глубоко своеобразный вклад в сокровищницу эзотеризма. Великий Учитель сказал про книгу: «Это знамя ее жизни».

Пусть эта книга сделает глубже наше понимание духовной стороны земной действительности и станет прекрасным памятником Коре Евгеньевне.

Перед своей кончиной она направила мне послание, где говорится: «Сейчас мне очень плохо, и спасает меня, как всегда, Ольга Николаевна. Быть может, на Земле не увидимся. Но никогда не говорю: «Не могу», а всегда твержу: «Превозмогу». Никогда не думаю: «Не знаю», но твержу – «Дойду». Любовь всегда хороша. Но Вам помнить надо, что Матерь Жизни лучше нас все знает. Прошлого нет, будущее неизвестно, а жизнь – это летящее «сейчас».

И человек-творец – это и есть тот, кто живет свое «сейчас». Обе мы Вас благодарим, любим и чтим Ваше «сейчас».

Ольга Цубербиллер и Кора Антарова, 5.1.1959 г.»

Запись 7 января 1959 г. для меня: «Никогда чтобы не было никакого страха: Бесстрашие – верность Учителю. Всегда сохранять полное самообладание. Колебания духа и резкие переходы неуравновешенности ученику особенно вредны.

Не требуйте много от людей, но верность, честь и мужество надо соблюдать до конца.

При встрече даже с низким человеком всегда думай – «Господом твоим». Найди в нем зерно лучшего и окруженного кольцом огненной светлой мысли. Помни, что, когда подаешь ему руку, между вашими ладонями лежит рука Учителя. Так сможешь подняться ему выше (любя побеждай). Но если при формуле «Господом твоим» почувствуешь, что он темный безнадежно, резко удались, отринь его, потому что помочь уже не сможешь, а истинная любовь не сентиментальность, а творческая энергия.

Когда надо помощи Учителя, крепко прижми палец, где урна (третий глаз), и призывай того Учителя, которого тебе нужно. Впитывая в себя мерзость, имеющуюся в окружении и невольно воздействующую на тебя, выбрасывай ее в атмосферу высшую и снова делайся "Tabula Rasa".

Слез не должно быть. В них топится труд Светлых Братьев. Живите текущим «сейчас».

7 января 1959 года. Антарова»

Умирала Кора Евгеньевна медленно и тяжело. Она пережила подряд около восемнадцати агоний, которые каждый раз погашала Ольга Николаевна, и эту борьбу за жизнь она продолжала ежедневно без отдыха и сна, до конца, едва держась на ногах.

Боль разлуки никогда не оставляла Ольгу Николаевну, так велика и горяча была ее любовь к подруге.

Их могилы находятся рядом на Новодевичьем кладбище.

6 марта 1993 года
С.И.Тюляев